

АРХИМАНДРИТЪ ВЕНІАМИНЪ
Послѣдній игуменъ Соловецкій,
снимокъ въ годы его юности.

НОВЫЙ РОССІЙСКІЙ МАРТИРОЛОГІЙ

АРХИМАНДРИТЬ ВЕНІАМИНЪ, ПОСЛѢДНІЙ НАСТОЯТЕЛЬ СОЛОВЕЦКІЙ

Память (†1927)

Архимандритъ Веніаминъ происходилъ изъ крестьянъ Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи. Постриженъ въ монахи и рукоположенъ во іеромонахи въ Соловецкомъ монастырѣ. Въ 1912 году назначенъ настоятелемъ Антоніево-Сійскаго монастыря съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, а въ 1917 переведенъ въ настоятели Соловецкой обители. Это было время начала смуты, и архимандриту съ братіей пришлось пережить многое, испить полную чашу страданій, видя, какъ многочисленныя комиссіи Архангельскаго губчека грабили и разоряли монастырь. Тогда же въ прессѣ появилось множество клеветническихъ публикацій о Соловецкомъ монастырѣ. Когда въ 1920 году монастырь былъ закрытъ, архимандритъ Веніаминъ былъ арестованъ и отправленъ на три года въ ссылку. Послѣ освобожденія онъ вмѣстѣ съ іеромонахомъ Никифоромъ рѣшилъ поселиться въ лѣсу недалеко отъ деревни Лодьма въ 60-ти км отъ г. Архангельска. Одинъ бывший послушникъ Степанъ Антоновъ помогъ имъ устроиться: построить избушку, завезти продукты, керосинъ.

Два молодыхъ парня изъ д. Лодьмы убили пустыльниковъ, рѣшивъ, что у о. Веніамина можетъ быть монастырское золото. Такъ мученически закончилъ свою жизнь архимандритъ Веніаминъ. Его фотографію передала въ Соловецкій музей племянница архимандрита Александра, Усова Анна Андреевна.

Изъ воспоминаній Ф. П. Кононова, прожившаго нѣсколько лѣтъ на Соловкахъ трудникомъ въ послѣдніе годы существованія монастыря:

«... Въ Соловки пріѣхала Комиссія, цѣнности изъяли, а архим. Веніамина и іером. Никифора арестовали и направили на три года въ ссылку. Были они въ лагерѣ гдѣ-то въ Архангельской губерніи. Къ работамъ тамъ они не привлекались. Черезъ три года ихъ освободили. Они пріѣхали въ Архангельскъ и жили тамъ у

одного почитателя. Потомъ рѣшили поселиться въ пустыни въ 60-ти километрахъ отъ Архангельска на рыбныхъ Лаяцкихъ озерахъ. Устроиться имъ помогъ одинъ бывший послушникъ Соловецкаго монастыря Степанъ Антоновъ. Онъ построилъ имъ избу, завезъ продукты, керосинъ. Архимандритъ Веніаминъ съ іеромонахомъ Никифоромъ отправились въ пустынь. По пути въ деревнѣ Лодьмѣ заказали сапожнику бродни, а портному — ватныя куртки.

О томъ, кто такіе пустынники, узнали два молодыхъ парня. Они рѣшили, что у настоятеля все монастырское золото. Съ цѣлью захвата золота эти парни явились къ монахамъ.

— Выдайте монастырское золото!

— У насъ и пуговицы золотой нѣтъ, — отвѣчали отцы Веніаминъ и Никифоръ.

Парни имъ не повѣрили. Но золота не нашли. Нашли топоръ, пилу да гвозди. Двери и окна забили досками. Нашли запасъ керосина. Этимъ керосиномъ облили стѣны и зажгли избу, въ которой находились пустынники. Впослѣдствіи отъ нихъ нашли лишь небольшую косточку.

Парни захватили сапоги и куртки монаховъ Веніамина и Никифора. Съ этимъ они пришли въ Лодьму и попросили сапожника подогнать сапоги на нихъ. А сапожникъ и спрашиваетъ: «Откуда у васъ эти сапоги? Вѣдь я шилъ ихъ для архимандрита Веніамина и іеромонаха Никифора, которые въ пустыньку жить поѣхали».

Парни пошли къ портному, чтобы тотъ подогналъ на нихъ куртки. Портной сказалъ имъ то же.

Парней арестовали и судили...»

Въ мѣстной газетѣ «Волна» была опубликована замѣтка объ этомъ процессѣ. Явнымъ желаніемъ автора было прикрыть бандитизмъ комсомольцевъ. Въ замѣткѣ сообщается, якобы губернской судъ вынесъ рѣшеніе лишить ихъ свободы на 10 и 8 лѣтъ.

Такова кончина послѣдняго игумена Соловецкаго.

Панорама монастыря какъ было до революціи.

ЗАКАТЪ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ

Вышеприведенныя свѣдѣнія о закатѣ Соловковъ какъ монастыря являются частью воспоминаній бывшаго Соловецкаго послушника Теофана Петровича Кононова. Эти строки очень цѣнны простымъ показаніемъ соловецкаго монашескаго бытія въ канунъ закрытія обители. Авторъ не касается возвышенныхъ сторонъ житія Соловецкихъ насельниковъ, но даетъ хорошую картину, какъ дѣйствовала обитель на приходившую массама молодежи, чѣмъ двигалась эта массивная машина сѣверно-ледовитой иноческой кино-вѣи. Просвѣчиваетъ и обликъ святой простоты и чистосердечности въ смиренно настроенныхъ обитателяхъ ея.

Намъ, потерявшимъ нить, связующую наши жалкія современныя попытки монашескаго общежитія съ традиціоннымъ, идущимъ испоконъ вѣковъ живымъ и животворящимъ братолюбіемъ монашескаго житія, необходимо знать, какъ же практически могла такъ кипѣть жизнь обыкновенныхъ людей, отошедшихъ въ такую суровую климатическую зону, людей, стремящихся къ духовнымъ цѣлямъ, а не прибывшимъ съ намѣреніемъ осилить суровые условія? Какъ могли люди простые, явно жизнерадостные, любящіе другъ друга и все живое на землѣ, такъ гармонично жить, какъ

говорится, припѣваючи, въ такомъ отдаленіи отъ цивилизованной жизни прочаго міра? Да и зачѣмъ?

Изъ этихъ незамысловатыхъ записей, составленныхъ въ 1971 году въ городѣ Сѣверодвинскѣ Архангельской области, видно, КАКЪ жила Святая Русь. А Чѣмъ она жила, видно изъ всей Соловецкой духовности, вѣками копившейся и передававшейся отъ одного поколѣнія святыхъ другому и соединившейся въ сумму всеобщаго славнаго достоянія Соловецкаго.

1. СОЛОВЕЦКІЙ ПОСЛУШНИКЪ ТЕОФАНЪ

Родился я въ 1892 году въ семьѣ крестьянина въ селѣ Шангалы Устьянской волости, Вельскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

Три зимы учился въ земскомъ училищѣ села Шангалы. По окончаніи училища меня какъ перваго ученика зачислили въ только что открытое двухклассное (шестилѣтнее) училище Министерства народнаго просвѣщенія.

Въ это время (1904-1905 гг.) началось броженіе. Агитація противъ царской власти, религіи. «Долой религію! Долой поповъ!» Въ училищѣ ходили брошюрки. Ученики говорили: «Долой Законъ Божій! Даешь математику!»

Вѣра у меня тогда была дѣтская. И я попалъ подъ чужое вліяніе. Настропалилъ меня мѣстный житель, атеистъ, развитой паренъ. Онъ много читалъ газетъ.

Подъ вліяніе его и группы его единомышленниковъ я и попалъ.

Въ мартѣ изъ Шангаловъ уходили на заработки въ Ярославскую губернію молодые люди. Одинъ парень, ранѣ работавшій у помѣщика въ Пошехонскомъ уѣздѣ, предложилъ мнѣ идти съ нимъ къ этому помѣщику. И я пошелъ.

Все лѣто работалъ пастухомъ. Остался на зиму, и помѣщикъ опредѣлилъ меня конюхомъ.

Тамъ, въ Покровскомъ, я познакомился съ одной семьей: отецъ, мать и двѣ взрослые дочери. Дѣвчѣ ходили по монастырямъ. Гдѣ только ни бывали! Стали они мнѣ давать религіозныя книги и рекомендовали стать монахомъ Валаамскаго монастыря.

Написалъ я родителямъ, что хочу, моль, идти въ Валаамскій монастырь. Родители отвѣтили, что не возражаютъ. «Но ты еще военной службы не проходилъ, — писали. — Пріѣзжай домой, погости, а тамъ видно будетъ».

Пріѣхалъ домой. Пѣлъ на клиросѣ. Тамъ пѣла пожилая учительница. Она убѣдила меня идти не въ Валаамскій, а въ Соловецкій монастырь и рекомендовала своему брату, который пѣлъ въ Соловкахъ на правомъ клиросѣ басомъ.

Съ открытіемъ навигаціи 1909 года отправился я на пароходъ въ Архангельскъ. Прибылъ туда 4-го мая. Дождался парохода съ Соловковъ. Но въ монастырь поѣхалъ только осенью, такъ какъ прибывшіе оттуда священникъ и псаломщикъ уговорили остаться на лѣто пѣвчимъ въ Соломбальскомъ подворьѣ. Пѣлъ на клиросѣ, а также качалъ воду насосомъ, наблюдалъ за чистотой въ помѣщеніяхъ.

Осенью на пароходѣ «Соловки» уѣхалъ въ монастырь. Капитаномъ судна былъ монахъ и корабельная прислуга вся монастырская. Никакихъ постороннихъ лицъ, не относящихся къ монастырю, на суднѣ не было.

Пароходъ шелъ съ 18 часовъ до 10 часовъ утра слѣдующаго дня.

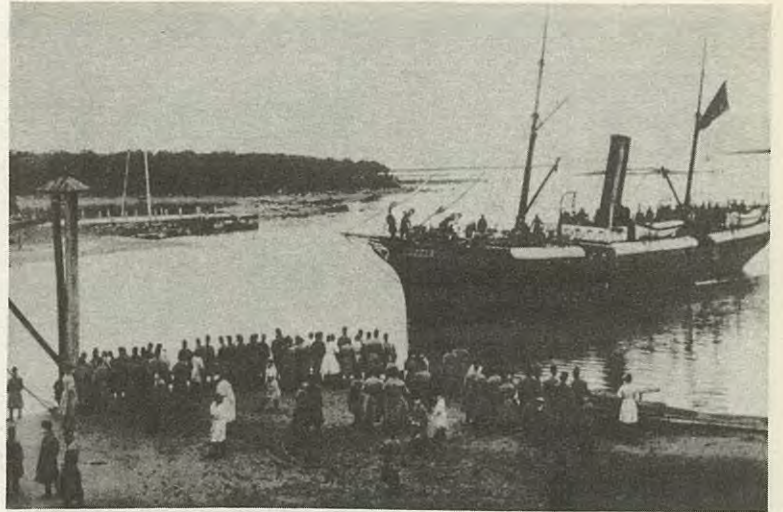
Прибылъ я въ Соловки въ сопровожденіи священника и дьякона.

Первую ночь остановился въ кельѣ у дьякона, а потомъ меня устроили въ общежитіи, гдѣ жили годовики.

Поскольку я и раньше пѣлъ на клиросѣ, меня зачислили въ хоръ праваго клироса Спасо-Преображенскаго собора. Тамъ уставщикомъ былъ іеромонахъ Трифонъ. Отецъ Трифонъ былъ уставщикомъ 33 года. За долготѣнную службу и строгое соблюденіе церковнаго устава онъ былъ награжденъ орденомъ святой Анны 4-ой степени.

Служба въ монастырѣ совершалась въ основномъ такъ же, какъ и въ остальныхъ православныхъ храмахъ. Но въ монастырѣ уставъ исполнялся точнѣйшимъ образомъ, до послѣдней іоты.

Монастырское пѣніе неторопливо.

Видъ парохода «Соловецкій», подходящаго къ пристани съ паломниками.

Изучивъ Соловецкій напѣвъ и уставъ, я перешелъ съ праваго клироса Спасо-Преображенскаго собора въ уставщики лѣваго клироса церкви Святителя Филиппа, а по буднямъ пѣлъ рання обѣдни въ соборѣ.

2. СОЛОВЕЦКІЙ УСТАВЪ

Ежедневно вставали въ 5 часовъ утра. Будили два монаха-будильника. Они шли по коридору навстрѣчу другъ другу и звонили въ колокольчики.

Умываемся — и въ храмъ, на общую молитву. Черезъ часъ монахи и послушники, которые шли на работы, уходили изъ храма и закусывали. Монахи — у себя въ келіи, послушники — при общежитіи (въ каждомъ общежитіи была своя столовая). Сахару и чаю было мало, ничтожное количество, зато ржаныхъ сухариковъ — бери сколько хочешь въ пекарнѣ.

Въ храмѣ служба шла часовъ до 10-ти. Это рання литургія, а вторая — поздняя обѣдня — кончалась въ 12 часовъ. Послѣ окончанія этой службы всѣ шли въ трапезную.

До обѣда можно было почитать духовныя книги, отдохнуть, вплоть до того, что можно было сходить и на прогулку въ лѣсъ. Но особо увлекаться хожденіемъ въ лѣсъ не приходилось, особенно лѣтомъ. Въдѣ лѣтомъ пріѣзжало много женщин-кемлянокъ, которыя бродили по лѣсу.

Въ 12 часовъ сигнальный колоколь извѣщалъ: пора обѣдать. Всѣ шли въ трапезную при Успенской церкви. Если не успеешь къ общей трапезѣ, ограничиваешься дома хлѣбомъ.

Ежедневно послѣ обѣда въ одномъ залѣ, который размѣщался въ корпусѣ около кузницы, происходила спѣвка. Ею руководили регенты. Спѣвки проходили въ сопровожденіи фисгармоніи.

Помню регента Владиміра Коптѣлова. Онъ три года жилъ въ московскомъ Донскомъ монастырѣ и посѣщалъ музыкальное училище, гдѣ учился хоровому пѣнію и игрѣ на піанино.

Соловецкіе монахи у входа въ Преображенскій соборъ съ чудотворной Знаменской иконой Божіей Матери.

Особенно трудно приходилось регентамъ весной, когда до половины состава хора мѣнялось.

Какъ пополнялся хоръ? Каждый молодой человекъ, прибывшій по объѣту въ монастырь, попадалъ на проверку къ регенту: есть или нѣтъ у него слухъ и музыкальная способность. Если нѣтъ — въ распоряженіе намѣстника, а тотъ уже опредѣлялъ, что этому молодому человеку поручить, исходя изъ его умѣній и способностей.

Ежегодно въ Соловецкій монастырь прибывало до тысячи и болѣе молодыхъ парней (въ возрастѣ не моложе 15-ти лѣтъ), чтобы исполнить объѣтъ, данный родителями за исцѣленіе по молитвамъ преподобныхъ Зосимы и Савватія. Всѣ эти молодые люди были изъ мужиковъ архангельскихъ, олонецкихъ и изъ другихъ сѣверныхъ губерній.

Въ первоначальномъ приѣмѣ никому, кромѣ парней моложе 15-ти лѣтъ, не отказывали. А пожелаетъ годовикъ на второй годъ остаться — очень рады, совершенствуй свое ремесло.

... Послѣ спѣвки съ 5-ти до 8-ми часовъ вечера я пѣлъ на клиросѣ. Сейчасъ мнѣ ужъ не спѣть, но слова помню. Вотъ тропарь, который исполнялся ежедневно во всѣхъ храмахъ.

3. СОЛОВЕЦКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Бли въ монастырѣ, конечно, досыта, хотя мяса монахи не употребляли совсѣмъ. Въ Муксалмѣ на скотномъ дворѣ было стадо до 70-ти холмогорскихъ дойныхъ коровъ. При скотномъ дворѣ были и маслодѣлательный заводикъ и молочная кухня (приготовление творога). Коровушки были и въ Анзерахъ. Я бывалъ тамъ одинъ разъ, когда маменька пріѣзжала, — такъ я съ ней. Молока и молочныхъ продуктовъ на монастырскую громаду* было крайне мало. Молоко и масло давались только больнымъ и немощнымъ. Только на Пасху масло распределялось во всѣхъ столовыхъ между столующимися.

Круглый годъ со стола не выводилась селедка на закуску, по двѣ селедочки на четверыхъ. Это была знаменитая соловецкая сельдь, исключительная по своему вкусу. Вылавливалась она въ большомъ количествѣ. Подходить ее къ островамъ два раза въ годъ по два мѣсяца.

Трески своего улова монастырь не имѣлъ. Ее покупали всегда у одного и того же купца. Онъ привозилъ рыбу изъ Мурманска въ Архангельскъ на двухмачтовомъ парусномъ суднѣ. Въ Архангельскѣ договаривался съ соловецкимъ закупщикомъ, а затѣмъ монастырскій пароходъ бралъ парусникъ на буксиръ и прямо съ грузомъ доставлялъ въ монастырь.

Закупали прежде всего хлѣбъ. Въ особыхъ складахъ, въ 4-хъ километрахъ отъ монастыря по направленію къ Савватіево хранились семилѣтніе запасы хлѣба.

Соловецкіе озера богатствомъ рыбы не отличаются, и монастырь не производилъ озернаго лова рыбы. По крайней мѣрѣ, я въ монастырѣ прѣсноводной рыбы не ѣдалъ. Ловили озерную рыбу только единицы на удочку, ради забавы.

Была попытка научнаго разведенія рыбы въ озерахъ. Два монаха были посланы на рыборазводный заводъ (какъ будто на Онежское озеро). Тамъ они учились 2 года. Вернулись въ монастырь, пытались примѣнить свои знанія по разведенію рыбы, но у нихъ ничего не получилось.

Съ появленіемъ грибовъ и ягодъ всѣ свободные отъ службы шли въ лѣсъ. Если близко, то пѣшкомъ, а если далеко, то вдоль берега на лодкахъ. Грибовъ было мало, а вотъ морошки огромное количество. Все болото будто горитъ — такъ ее много. Собранную ягоду складывали въ чаны и зимой подавали со сладкой водой.

Квасъ варили 3-хъ сортовъ. Первый сортъ подавался къ празднику, второй — въ будничные дни, третій — лѣтомъ на сѣнокосѣ.

... Помню, какъ на 4-хъ квасныхъ бочкахъ монахи подняли парусное судно, потерпѣвшее аварію около

*Когда О. П. Кононовъ пріѣхалъ на Соловки было около 300 монаховъ въ братствѣ.

Сергіевскій скитъ и при немъ скотный дворъ.

Заяцкаго острова. Владѣлецъ отказался отъ судна, передавъ его монастырю. Тогда монахи привезли на отливѣ къ кораблю бочки, закрѣпили ихъ соотвѣствующимъ образомъ, а съ приливомъ корабль приподнялся. Затѣмъ его отбуксировали въ Архангельскъ.

Всѣ — монахи, послушники, годовики — мылись въ братской банѣ, которая топилась ежедневно, кромѣ субботы и воскресенья.

4. ЖИЗНЬ НА СОЛОВКАХЪ

О ризницѣ можно сказать какъ о музеѣ. Ризничный открывалъ ризницу каждое воскресенье сразу послѣ обѣда, и каждый желающій могъ ее посѣтить и послушать двухчасовые объясненія помощниковъ ризничнаго.

За зиму почту въ монастырь доставляли три раза. Возили ее три почтаря въ специальномъ опломбированномъ кожаномъ баулѣ. Шли почтари съ Лѣтней Золотицы на легкой деревянной лодкѣ. Почта отправлялась въ строго оговоренное время. Такъ что въ монастырь знали о ее приближеніи. И въ ее ожиданіи на горѣ Голгоѣ постоянно поддерживали огонь (ночью долженъ быть виденъ огонь, а днемъ дымъ). Добирались почтари до Соловковъ полтора сутокъ. Приставали къ М. Заяцкому острову (а можетъ быть, и къ Малой Муксальмѣ, ужъ не помню). Тамъ ихъ ожидала подвода — сани, запряженные двумя лошадьми. Почту везли въ монастырь. Пока готовили почту на материкъ (около трехъ сутокъ), почтари отдыхали. А потомъ — въ обратный путь.

Такое сообщеніе продолжалось въ теченіе ста лѣтъ. И каждый годъ успѣшно. А вотъ въ 1918 году почтари погибли вмѣстѣ съ почтой. Это былъ единственный случай въ исторіи Соловецкаго монастыря.

... И еще объ одной трагедіи. На Б. Заяцкомъ островѣ въ качествѣ сторожей жили два монаха. У нихъ свое хозяйство было — пѣтухъ, двѣ курочки и котъ.

И вотъ однажды зимой (или глубокой осенью) поѣхали сторожа въ монастырь за продуктами. Уѣзжая, они подняли на мачтѣ флагъ, означавшій, что ихъ нѣтъ на островѣ.

Получивъ въ монастырь все необходимое, монахи отправились къ себѣ на Заяцкій островъ. А въ это время былъ ледоставъ. Проходятъ сутки — флагъ не убирается, прошло нѣсколько сутокъ — виситъ флагъ. Черезъ нѣсколько недѣль установился пѣшеходный путь на Заяцкій островъ. Пошли изъ монастыря провѣрить. Монаховъ нѣтъ. Обѣ курочки погибли, а пѣтухъ встрѣтилъ людей громкимъ пѣніемъ. Отъ сторожей не осталось никакихъ слѣдовъ. Только лѣтомъ на берегу Соловецкаго острова, поблизости отъ монастыря нашли сапогъ монастырской работы . . . Вотъ такая трагедія.

Исполнилось мнѣ 22 года. Наступило время призыва на военную службу.

... Въ 1917 году былъ освобожденъ отъ военной службы вслѣдствіе врожденной близорукости и сразу же возвратился въ Соловецкій монастырь, гдѣ чувствовалъ себя какъ въ родной семьѣ и гдѣ собирался закончить свою жизнь.

Въ монастырь меня сразу же опредѣлили пѣвчимъ въ церковь Святителя Филиппа и одновременно келейникомъ къ духовнику — іеромонаху Теофану. Какъ келейникъ я долженъ былъ топить печку, убирать келію и выполнять обязанности письмоводителя. Жилъ я въ смѣжной комнатѣ съ іеромонахомъ Теофаномъ.

5. ИГУМЕНЪ ІОАННИКІЙ

Два раза въ годъ духовникъ составлялъ и представлялъ настоятелю списокъ лицъ, бывшихъ на исповѣди. И мнѣ какъ келейнику довелось переписывать такой списокъ набѣло.

Почеркъ у меня былъ красивымъ и на него обратилъ вниманіе настоятель монастыря Архимандритъ Іоанникій.

— Кто писалъ этотъ списокъ? — спросилъ онъ духовника.

— Мой келейникъ, братъ Теофанъ, — отвѣчалъ тотъ.

Тогда настоятель велѣлъ срочно позвать меня къ себѣ.

А надо сказать, что въ это время въ монастырь случился бунтъ молодыхъ монаховъ. До постриженія они служили солдатами подъ Портъ-Артуромъ. Тамъ они дали обѣтъ: уцѣлѣютъ — уйдутъ въ монастырь. Военный министръ далъ согласіе на освобожденіе этихъ солдатъ отъ военной службы, но потребовалъ отъ настоятеля незамедлительно включить ихъ въ списки монаховъ, что настоятель и сдѣлалъ. Это было такъ скоропалительно . . . Люди не подготовлены къ монастырской жизни — и вдругъ ихъ въ монахи.

Эти монахи были грамотными, энергичными, здоровыми молодыми людьми. И Архимандритъ Іоанникій рѣшилъ подготовить ихъ къ службѣ въ монастырь въ качествѣ священниковъ и дьяконовъ, для чего открылъ богословское училище съ программой семинаріи и специально пригласилъ изъ Петрограда преподавателей. Учились они два года,

послѣ чего были рукоположены кто во іеромонахи, а кто во іеродіаконы.

Священнослужители въ монастырѣ освобождались отъ тяжелыхъ физическихъ работъ. Но въ это время строились каналы, чтобы обезпечить ГЭС водой. И на эту работу привлекали всѣхъ, въ томъ числѣ и этихъ новорукоположенныхъ. Имъ это не понравилось, и они написали на отца настоятеля жалобу въ Московскую Синодальную контору: Архимандритъ Іоанникій, молю, самоуправничаютъ, вмѣсто того, чтобы молиться, роютъ каналы, растрачиваютъ монастырскія деньги на это дѣло. Получивъ жалобу, Московская Синодальная контора направила въ Соловки ревизора — Вологодскаго викарнаго Епископа Антонія.

Владыка Антоній пожилъ въ монастырѣ мѣсяцъ, составилъ актъ, въ которомъ не было ни одного слова въ пользу настоятеля монастыря, и уѣхалъ. Это было какъ разъ передъ моимъ прїѣздомъ.

Получивъ актъ ревизіи, Контора потребовала отъ Архимандрита Іоанникія срочнаго объясненія по нему. Объясненіе писали коллективно — всемъ соборомъ, куда входили настоятель Архимандритъ, намѣстникъ, казначей, ризничій, духовникъ, дѣлопроизводитель (іеромонахъ). Когда я прїѣхалъ, писался черновикъ.

И вотъ отецъ настоятель, узнавъ, что у меня красивый почеркъ, потребовалъ меня къ себѣ. Принялъ меня отецъ настоятель въ столовой. Видъ у него былъ удрученный. Вначалѣ разспросилъ о томъ о семь, а потомъ и говоритъ:

— Вотъ ты прошелъ военную службу . . . Навѣрное, научился тайну цареву хранить?

— Да, навѣрное.

— Такъ вотъ, если слушаешь меня, надо тайну цареву хранить.

— Я даю свое честное слово. Буду въ этомъ отношеніи аккуратень.

Тогда о. Іоанникій разсказалъ свою печаль:

— Возстали мои самые приближенные. Тѣ монахи, которыхъ я спѣшно съ военной службы выхлопоталъ у военнаго министра и зачислилъ въ братство Соловецкаго монастыря. И они противъ меня возстали. Пишутъ про меня небылицы въ лицахъ. Жалобщиками стали. Послали бумагу въ Святѣйшій Синодъ. Мнѣ надо въ настоящее время помощника, чтобы переписывать матеріаль набѣло. Твой красивый почеркъ будетъ мнѣ большой помощью. Я освобождаю тебя отъ всѣхъ послушаній. Жить будешь у меня, въ запасной келейной комнатѣ. Столоваться будешь по буднямъ со мной, а въ праздникъ — въ трапезной. Но трудиться придется много. И тайну цареву хранить.

Такъ я сталъ жить въ покояхъ настоятеля. У самага настоятеля — спальня, залъ, столовая, пріемный залъ для высокопоставленныхъ лицъ — круглый столъ и 6 стульевъ. Простыя бѣлѣныя стѣны и на нихъ портреты соловецкихъ архимандритовъ.

. . . При мнѣ въ монастырѣ строилась радиостанція. Когда лѣтомъ 1917 года я второй разъ прїѣхалъ въ монастырь, она уже работала. Обслуживали ее послушники-радисты.

Однажды радистъ принесъ настоятелю радиограмму: императоръ отрекся отъ престола въ пользу брата Михаила. Тутъ же настоятель велѣлъ разбудить меня. Пришелъ. Архимандритъ Іоанникій сидитъ въ келіи въ разстроенныхъ чувствахъ, плачетъ. Показалъ радиограмму, говоритъ:

— Отечество въ опасности. Результаты нельзя предусмотрѣть.

. . . Переписалъ я объясненіе. Взявъ его, настоятель съ первымъ пароходомъ уѣхалъ въ Святѣйшій Синодъ въ Петроградъ. Усиленно звалъ меня съ собой:

— Поѣдемъ, братъ Теофанъ. Мало ли что придется писать. Хорошо бы однимъ почеркомъ.

Но я отказался, такъ какъ страшно усталъ отъ напряженной работы.

Доѣхалъ съ нимъ только до Архангельска съ дальнѣйшимъ намѣреніемъ направиться въ Балаклавскій монастырь. Туда меня звалъ настоятель этого монастыря. Но въ Балаклаву изъ-за разрухи на дорогѣ я не поѣхалъ, а отправился отдохнуть въ Сійскій монастырь (преп. Антонія Сійскаго).

А архимандритъ Іоанникій поѣхалъ въ Петроградъ. Получивъ его объясненіе, Синодъ призналъ жалобу молодыхъ монаховъ неосновательной. Съ открытіемъ навигаціи жалобщики разбѣжались. За архимандритомъ Іоанникіемъ вообще никакихъ преступленій не обнаружили. Но, учитывая его возрастъ (70 лѣтъ), Синодъ освободилъ настоятеля отъ должности. Принимая во вниманіе безупречную служебную услугу монастырю (онъ былъ въ монастырѣ съ 13-ти лѣтъ), Синодъ назначилъ ему пенсію 1000 рублей въ мѣсяцъ съ предоставленіемъ ему запасныхъ настоятельскихъ покоевъ на 3-мъ этажѣ Настоятельскаго корпуса съ видомъ на пристань и Преображенскую гостиницу. Эти покои ранѣе предназначались для гостей настоятеля.

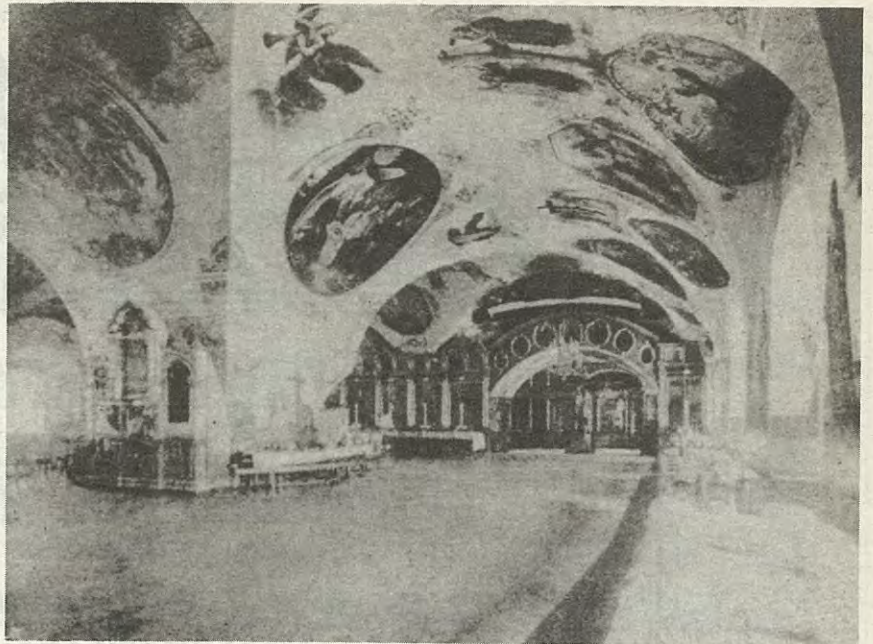
6. АРХИМАНДРИТЪ ВЕНІАМИНЪ

А я въ это время жилъ въ Сійскомъ монастырѣ, гдѣ настоятелемъ былъ архимандритъ Веніаминъ, въ прошломъ духовникъ Соловецкаго монастыря. Онъ зналъ меня лично и принялъ очень хорошо. Я жилъ у него до тѣхъ поръ, пока онъ не получилъ рѣшеніе Синода о назначеніи настоятелемъ Соловецкаго монастыря вмѣсто Архимандрита Іоанникія. Архимандритъ Веніаминъ въ Соловки не просился, но рѣшеніе Синода онъ воспринялъ какъ волю Божию. Я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ. Это было лѣтомъ 1918 года.

Въ Архангельскѣ Архимандритъ Веніаминъ оставилъ меня на послушаніе въ качествѣ дѣлопроизводителя Соловецкаго подворья. Тамъ тогда жили смотритель подворья — главный закупщикъ монастыря, два іеромонаха-священнослужителя, дьяконъ, регентъ,

Рака съ мощами преподобныхъ основателей Соловецкаго монастыря въ Троицкомъ соборѣ.

Соборный трапезный храмъ во имя Успенія Божіей Матери, какъ это было до революціи.

восемь пѣвчихъ, кладовщикъ. Смотритель былъ грамотный, очень дѣловой человекъ, заготовки производилъ на миллионы рублей. Потомъ его перевели настоятелемъ Печенгскаго монастыря.

... На подворьѣ въ Архангельскѣ (по Банковскому переулку) на первомъ этажѣ размѣщались пекарня и прачечная. Рядомъ съ церковью размѣщались настоятельскія покои и канцелярія изъ двухъ комнатъ (дѣлопроизводитель и пріемная). На подворьѣ имѣлось 6 лошадей и конный обозъ для обслуживания двухъ подворій.

Закупленные для монастыря товары — отъ иголки до станка — складывались въ монастырскомъ Соломбальскомъ подворьѣ, а лѣтомъ отправлялись въ Соловки.

Одинъ небольшой лѣсопромышленникъ поставлялъ монастырю 2 плота долготы. Эти плоты также ставили къ Соловецкому Соломбальскому подворью. Зимой древесина раздѣлывалась на дрова. Изъ Соломбалы дрова шли на отопленіе монастырскихъ помѣщеній въ Архангельскѣ.

Въ Соломбалѣ находились склады и двухэтажная гостиница для паломниковъ. Зимой первый этажъ гостиницы пустовалъ, а на второмъ этаже жили смотритель и нѣсколько послушниковъ.

Въ мои обязанности въ Архангельскомъ подворьѣ входило: производить прописку и выписку квартирантовъ (20 квартиръ), уходъ за жилымъ помѣщеніемъ смотрителя, участіе въ монастырскомъ хорѣ (служба — ежедневно).

Работалъ въ Соловецкомъ подворьѣ вплоть до призыва въ ополченіе. (Это при бѣлыхъ).

Монастырская лавочка располагалась внутри монастыря, въ нижнемъ этажѣ жилого корпуса — справа при входѣ въ Святыя врата со стороны моря.

Трапеза монастырская была такова: пища для всѣхъ была совершенно одинакова. Она подавалась изъ раздаточной. Въ раздаточную котлы съ готовой пищей поднимались блокомъ изъ поварни, которая размѣщалась подъ трапезной.

Передъ трапезой читали «Отче нашъ», послѣ нее — «Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ . . .». Начало и конецъ трапезы, а также смѣна блюдовъ производились по звонку настоятеля, въ его отсутствіе — по звонку того священноинока, который совершалъ череду службъ въ соборѣ.

Лѣтомъ вокругъ столба трапезной разставлялись столы для паломниковъ.

Вся столовая посуда у монаховъ была мѣдной, луженой. Передъ каждымъ на столѣ стояли мѣлая тарелка, квасная чашка, лежала деревянная ложка. На четверыхъ столующихся полагались ковшикъ, большая тарелка, солонка.

Луженіе всей посуды производилось два раза въ годъ — на 1-ой недѣлѣ Великаго Поста, когда не было трапезы, и въ Успенскій постъ. На настоятельскомъ столѣ вся посуда, кажется, была оловянной.

Главнымъ звонаремъ былъ совершенно слѣпой монахъ. Звонилъ онъ болѣе 20-ти лѣтъ и до колокольні не нуждался въ провожатомъ. Придетъ, сядетъ за полукруглый столъ и ударяетъ по крючьямъ. Языкъ большого колокола вѣсилъ 20 пудовъ. Раскачивали его два здоровѣнныхъ парня. Колоколь былъ какъ будто одѣтъ въ рыболовную сѣтку, такъ какъ при его отливѣ глиняная форма потрескалась и расплавленная мѣдь въ эти щелки проникла.

Колоколь отливали въ Соловецкомъ монастырѣ подъ руководствомъ мастера Валдайскаго колоколотейнаго завода. Мастеръ сказалъ монахамъ, что для расплавки мѣди нуженъ огнеупорный кирпичъ. А монахи

«Сиропарь Гласъ И;

Жко свѣтільницы ѡбистеса все-
свѣтлин / во отоце ѡкіана мора,
прпвнн оцы наши Зосимо, Сав-
ватіе и Германе, / бы бо, крѣз
хрѣтовъ на рамо вземше, / усерднш
Томъ последовасте / и, истотою
бгви приближившеса, / ѡ онѣдже
силами чвдесъ ѡбогатистеса. /
Тѣмже и мы любезно притекаемъ
къ ракамъ чтнхъ мощенъ вашнхъ
и ѡумильно глаголемъ: /
ѡ, прпвнн, молитѣ хрѣта бга
спастиса двшамъ нашимъ.

«Кондакъ Гласъ Б;

Хрѣтовою любовію ѡузвншеса, прпв-
ннн, и Тогѡ крѣз, на рамо вземше,
понесли есте, / бжественне вооруживше-
са на невидимыа враги, / и непрестан-
ныа млтвы ѡакѡ копіе въ рѣкахъ имѣше,
крѣпко повѣдали есте бесовскіа ѡполченія,
блголатъ гдню пріемше, цѣлите недѣги
дѣшъ и тѣлесъ / притекающнхъ къ ра-
камъ чтнхъ мощенъ вашнхъ, / чвдесъ лѣ-
чи испвщаете всюду. /
Тѣмъ зовемъ вамъ: / Радѣйтесь, прпв-
ннн оцы наши Зосимо, Савватіе и
Германе, монаховъ ѡудобреніе.

такого кирпича не изготовили. «Наша соловецкая глина все выдержать», — отвѣчали они мастеру и настояли на своемъ. Соловецкимъ монахамъ вообще была свойственна самонадѣянность — «наше, соловецкое . . .» Когда поднимали трубу электростанціи (ковали трубу въ соловецкой кузницѣ), мастеръ сказалъ монахамъ: «Нужны новые канаты». А соловецкіе монахи: «Нашъ канатъ выдержать!» Канатъ не выдержалъ. Трубу поднимали второй разъ уже на тѣхъ канатахъ, которые требовалъ мастеръ. Подняли. Машины ГЭС окропили святой водой.

. . . Постаментъ памятника Петру I въ Архангельскѣ отдѣлывали соловецкіе монахи изъ камня, добытаго въ Кондостровѣ.

. . . По упраздненіи монастыря въ немъ остались престарѣлые и тѣ, которымъ нѣкуда было деваться. Въ ихъ распоряженіи была архангельская гостиница и кладбищенская церковь.

Всего осталось 73 человекъ. 6 человекъ изъ нихъ — священноиноки и іеродьяконы. А остальные работали по специальности и получали паекъ отъ новыхъ хозяевъ.

Былъ пожаръ въ 1923 году. Мнѣ кажется, что монастырь подожгли умышленно люди, враждебно къ нему настроенныя.

Въ періодъ изыятія церковныхъ цѣнностей въ Соловки пріѣхала комиссія. Цѣнности изыали, архимандрита Веніамина и іеромонаха Никифора арестовали и направили на три года въ ссылку.

Такъ окончилась монастырская жизнь на Соловецкихъ островахъ и они превратились въ Соловецкую каторгу, въ которой гибли безвинно тысячи людей — новыхъ рабовъ, привезенныхъ съ цѣлью уничтоженія. На такой основѣ строилась «новая» Россія, безбожная и хилиастическая.

Соловки какъ каторга XX вѣка требуютъ своего изслѣдованія, хотя подпольная правдивая литература-свидѣтельница уже и обширна, но общаго Русскаго суда надъ Совѣтскимъ государствомъ еще не было, дабы узнать всю правду. А пока новомученики и преподобные ожидаютъ своихъ историческихъ судій.

